

## РОЗДІЛ І. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ОСНОВИ ПРАКТИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ

© 2012

В. П. Андрущенко (г. Киев), Т. С. Яценко (г. Ялта)

### ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПСИХИКИ

Стаття В. П. Андрущенко та Т. С. Яценко «Філософсько-психологічні проблеми методології пізнання психіки» презентує філософсько-психологічний погляд на проблему пізнання психіки в її цілісності і єдності сфер свідомого і несвідомого. Основний акцент зроблено на інтеграційно-дезінтеграційних процесах, що є наслідком суб'єктивності зінтегрованості психіки на хибних засадах, детермінованих системою психологічних захистів. Автори вводять нову класифікацію психологічних захистів в їх ситуативних та базальних виявах. Розкрито категорію «метадосвідного», «позадосвідного» як передумови базальних захистів, пов'язаних з онтологічним несвідомим та ін. Порушено проблему адекватності методів пізнання психіки в їх цілісності та здійснено порівняльний аналіз методології традиційного і психодинамічного підходів.

**Ключові слова:** цілісність психічного, єдність свідомого і несвідомого, свідоме, несвідоме, архетип, психологічні захисти, «позадосвідне», «метадосвідне», онтологічне несвідоме.

Статья В. П. Андрущенко и Т. С. Яценко «Философско-психологические проблемы методологии познания психики» презентует философско-психологический взгляд на проблему познания психики в ее целостности и единстве сфер сознания и бессознательного. Основной акцент сделан на интеграционно-дезінтеграционных процессах, являющихся следствием субъективной интегрированности психики на ложных основаниях, детерминированных системой психологических защит. Авторы вводят новую классификацию психологических защит в их ситуативных и базальных проявлениях. Раскрыто категорию «метаопытного», «внеопытного» как предпосылки базальных защит, связанных с онтологическим бессознательным и др. Поставлена проблема адекватности методов познания психики в ее целостности и проведен сравнительный анализ методологии традиционного и психодинамического подходов.

**Ключевые слова:** целостность психического, единство сознательного и бессознательного, сознательное, бессознательное, архетип, психологическая защита, «внеопытное», «метаопытное», онтологическое бессознательное.



### ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Психология и философия занимаются Человеком, формированием его духовного мира, подготовкой к жизни в самом широком понимании этого слова, наряду с развитием его психологической культуры, что предполагает психокоррекционное взаимодействие. При этом не снижается актуальность вопроса: каким образом и на каких основаниях осуществляется органическое единение философии и психологии, что конкретно означает их синтез в функциональном отношении. Остро стоит задача возрождения духовности, как и гармоничности внутреннего мира человека. Основа познания истины – «отношение ко всякой вещи так, как того требует сущность этой вещи» (К. Маркс). Истина является целью рационального освоения психологической реальности. Специфика реальности психического в единстве противоречивой целостности сфер сознания и бессознательного. Философия утверждает, что разум интегрирует все формообразования человеческого духа [1]. Именно поэтому на авансцену глубинного познания психики выходят когнитивные процессы субъекта, которые могут зашумляться иллюзиями, искажениями, порождаемыми автоматизированными защитами,

подкрепляя ожидания идеализированного Я. Статья раскрывает внутреннюю *структуро-динамическую сущность психического* и доказывает, что *путь к истине его познания* связан с ослаблением, нивелированием отступлений от реальности, обусловленных прежде всего необходимостью маскировки эдипальных мотивов поведения. Доказывается, что практика такого глубинного, диагностико-коррекционного процесса должна подчиняться требованиям законов «*положительной дезинтеграции психики и вторичной ее интеграции на более высоком уровне психического развития субъекта*» [10], что отвечает философскому закону «отрицание отрицания». Таким образом, глубинная психокоррекция обращает человека лицом к необходимости изучения социально-перцептивной реальности в системе «субъект-субъект», катализируя его личностный рост (самореализацию) как предпосылку развития внутренней гармонии и психологической культуры.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

**(1) Проблемы функционирования психики** наряду с противопоставлением душевного телесному до сих пор находятся в центре философских дискуссий. В философии долгое время использовался только термин «душа» (дух), понятие «психика» возникло лишь в конце XIX века. Каждая школа психологии принимала во внимание *целостность психического, но при этом* решала, какой ее частью она будет заниматься.

В данном исследовании мы касаемся проблемы познания психического в его целостности (сознательное и бессознательное), что потребовало не только раскрытия функциональных особенностей бессознательного, но и инструментальных аспектов объективирования его взаимосвязей с сознанием. Мы придерживаемся позиции, что познание – это «поиск и нахождение баланса между рядом противоречиво дополняющих друг друга позиций» [7, с. 659]. Философское понимание категории познания сталкивается с противостоянием концептуальных позиций: реализм – инструментализм; фундаментализм – феноменализм; субстанциализм – функционализм; догматизм – релятивизм. Обобщение противоречивых позиций позволяет свести их к двум платформам: фундаментализм (эссенциализм) ↔ функционализм (феноменализм).

**Гипотеза:** познание психического усложнено зависимостью исследований от традиционно-природоведческого подхода, открывающего перспективы исследования только для одной стороны – сознания – при игнорировании другой – бессознательного. Необходимость восполнения данного пробела и обусловила ориентацию исследовательского поиска на целостность психического в его сознательных и бессознательных проявлениях и раскрытие перспектив познания бессознательного в соответствии с его функциональными особенностями.

Основное внимание в статье акцентируется на объективной природе детерминант бессознательного, порождающих субъективизм сознания. Впервые ставится проблема не только о системности психического, но и о его логической упорядоченности, выражающейся в «логике сознания» и «логике бессознательного» («иной логике»). Для познания феномена психического (в психодинамической парадигме) логика выступает «частью теории познания, и именно «психодинамического познания» [8, с. 548].

Таким образом, взгляд на психику как на простое отражение расходится с позицией исследователей, отождествляющих ее с физиологическим процессом. Психическое не выступает также и как чисто духовное, обособленное от мозговых процессов. Укоренилась мысль о том, что психическое отражение «определяется» свойствами и отношениями предметного мира, которым оно подчинено. Философы, как и психологи, феномен отражения связывают с возникновением *сознания*, на содержание которого влияют общественные отношения. Необходимо учитывать, что «бессознательное – особая сфера психического или система процессов, качественно отличных от явлений сознания» [8, с. 52] и «осуществляемых без участия сознания» [7, с. 94]. Мы солидарны с З. Фрейдом в его открытии бессознательного как «автономного, не зависящего от сознания безличного начала человеческой души» [7, с. 95]. Бессознательное существует «вне пола, пространства и времени», что позволило К. Г. Юнгу указать на его коллективные и архетипные основы.

Сказанное выше свидетельствует об актуальности поднятой проблемы *познания психического* не только в формате сознания, но и бессознательного.

Философский энциклопедический словарь отмечает, что сознание не исчерпывает психическое: «У человека имеются и неосознаваемые психические явления и процессы, т. е. такие, в которых он не может дать себе отчета, которые скрыты от его самонаблюдения» [7, с. 547].

В этом же издании бессознательное представляется учеными очень разнопланово, в частности в качестве: *анамнеза* (Платон); *физиологических процессов*, лежащих за пределами сознания (Декарт); *нижней формы душевной деятельности* за порогом сознания (Лейбниц); *деятельности нервной системы* (Гартли); *интуиции, чувственного познания* (априорный синтез) (Кант); *глубинного источника творчества* (представители романтизма); *иррационализма* (Шопенгауэр); *иррационализма как универсального принципа основы бытия и мироздания* (Гартман) и др.

В контексте разрабатываемой нами психодинамической теории важно отметить, что в 1824 г. Герbart ввел динамическую характеристику бессознательного, что означало: несовместимые идеи могут вступать в

конфликт, «причем более слабые вытесняются из сознания, но продолжают на него воздействовать, не теряя своих динамических свойств» [7, с. 52]. Особое место следует отвести работам З. Фрейда, который представил бессознательное не как низшую форму психического по сравнению с главной формой - сознанием, а как антагонистически противостоящую ему более и энергетически мощную силу. Лишь техника психоанализа, по утверждению З. Фрейда, может снизить это противостояние. Заслуга К. Г. Юнга состоит во введении категории *коллективного бессознательного* и *архетипа* как связующей инстанции прошлого и актуально переживаемого опыта.

Мы не можем знать, каковы природа бессознательного и форма его существования, но мы способны их познавать, используя открытия З. Фрейда, К. Г. Юнга и другие теории, ассимилируемые психодинамической методологией. Решение проблемы познания бессознательного З. Фрейд нашел в анализе оговорок, описок, забываний, сновидений и т. п., которые свидетельствуют о беспокоящих сознание факторах. Он подарил психологии метод свободных ассоциаций, спонтанно всплывающих в сознании субъекта под влиянием императива внутренних, имплицитных сил, предопределяющих произвольную активность. Таким образом, З. Фрейд существенно изменил сам подход к научному познанию целостной психики и определил перспективы раскрытия сущности бессознательного, отличающегося универсальностью законов функционирования как для психически здорового человека, так и для невротика. Становится объяснимой ценность естественной, спонтанно-произвольной активности субъекта как необходимой предпосылки эффективности глубинного познания психики.

**(2) Формирование методологии познания целостной психики**, в функциональном единстве сознательного и бессознательного, является центральной проблемой психологии. Даже представители деятельностного подхода, отдающие приоритеты внешней заданности активности субъекта, признавали существование бессознательной сферы. Так, А. Н. Леонтьев, основатель теории деятельности, пишет: «В отличие от целей мотивы актуально не осознаются субъектом: совершая те или иные действия, мы в этот момент обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают... нам нетрудно привести их мотивировку, но мотивировка не всегда содержит в себе указания на их действительный мотив» [7, с. 201]. Представления А. Н. Леонтьева по многим позициям приближают нас к *пониманию важности изучения неосознаваемой психической активности в формировании личности*. Это требует разработки специального категориального аппарата понятий, способных адекватно отображать функционирование бессознательного в упорядоченности его закономерностей. Бессознательное находит выражение в скрытом «втором плане» деятельности, на который указывал А. Н. Леонтьев. Для введения этого «второго плана» в плоскость объективного наблюдения в групповой коррекции нами используются опредмеченные средства («объективный аспект деятельности»), способствующие обеспечению «наглядной убедительности» для респондента логики поведенческого материала, выявление которой предполагает анализ и интерпретацию. Примером тому служит опыт А. С. Макаренко, заключавшийся в использовании им «публичного обряда» – сжигания на костре персональных характеристик и старой одежды, что эмотивно впечатляло беспризорных и обуславливало их личностные изменения и новообразования.

Важно различать такую *разновидность бессознательного, которая может иметь прямолинейную детерминацию*, к примеру, сформированные навыки, установки, привычки, но эта форма бессознательного не является рабочей в психодинамическом подходе. В поле нашего исследовательского внимания попадает лишь та разновидность бессознательного, которая связана с механизмами вытеснений и факторами запрета на возврат его следствий в сознание с участием механизмов сопротивления. Процедура познания глубинного (неосознаваемого) содержания психики не всецело зависит от исследователя, а лишь относительно, в связи с имманентностью его динамики (в отличие от традиционно-экспериментального подхода). Помощником для глубинного психолога является его профессиональная способность осуществлять диагностико-коррекционный процесс, следуя за активностью субъекта в произвольной континуальности её индивидуализации. Глубинное познание предполагает интерпретацию спонтанно-поведенческого материала респондента в целях определения в нем логических взаимосвязей, *континуальность проявления которых указывает на энергетическую направленность первичных истоков латентной детерминации* его активности. При этом не упускаются из виду функциональные отличия сферы сознания и бессознательного при их взаимозависимостях. Язык сознания и бессознательного существенно отличается. Бессознательное раскрывается в образных, метафорично-архетипных и символично-поливалентных средствах, несущих отпечаток симультанности процессов специфичных для этой сферы, познание которой требует интерпретации поведения. Язык же сознания дискретный, знаковый; характеризуется однозначностью, конкретностью. Изучение сферы сознания предполагает ориентацию на прямолинейно-каузальную его детерминированность [12, с. 211 – 212].

*Психодинамическая методология* предполагает конкретизацию предмета исследования, в данном случае – предсознания как формы бессознательного, которое является результатом вытеснений импульсов Ид и основывается на *латентном синтезе их следствий*. Последнее имеет тенденцию к транзитности

нереализованного глубинного интереса путем актуализации механизмов замещения, перенесения, проекции и др. Таким образом, Ид имеет не прямое, а косвенное влияние на формирование предсознания, сохраняющее императив энергетического потенциала вытесненных влечений. Говоря иначе, *эпифеноменом вытеснений является «социализирование» влечений Ид в предсознании* с сохранением противостояния нормативным требованиям Супер-Эго. Независимость друг от друга тех или иных вытеснений и их первоначальная темпоральность (разведенность во времени) нивелируется синтезом следов на латентном уровне. Результатом является логически упорядоченная система психики с приоритетностью эмотивной валентности остаточных, энергетически потентных очагов (следствий) вытеснений.

*Физиологический аспект проблемы* связан с иррадиацией энергий и их интерференцией, что способствует обобщению очагов вытеснений в предсознании. Поэтому в процессе глубинного познания психики мы вынуждены считаться не только с аффективными параметрами вытеснений, но и с аналитико-синтетическими, когнитивно-упорядоченными образованиями. Последнее *относится к такому конструкту бессознательного, который построен на абстрагировании от связи с непосредственным опытом*, что квалифицирует его как «внеопытное», «дорефлективное». Именно этот конструкт предопределяет базальные формы психологической защиты как «когнитивного» предводителя реализации инфантильных интересов. *Периферийная (ситуативная) же защита преследует адаптационные цели и ориентацию на идеалы Я.* Таким образом, базальные защиты несут в себе семантическую (когнитивную) нагрузку, предопределяющую целесообразность и упорядоченность внутренней активности бессознательного в соответствии с «незавершенными делами детства».

Многoletний опыт проведения глубинной коррекции в формате разработанной нами психодинамической теории и необходимой методологии дает основания утверждать, что *семантический (смысловой) ракурс базальных форм психологической защиты задается эдипальной зависимостью субъекта*, импульсы которой не только влияют на «решето» вытеснений, но и являются доминантными в имплицитном структурировании психики. И хотя бессознательное не попадает в поле зрения сознания и не подвергается прямому влиянию последнего, «человеческий» его смысл сохраняется в эпифеноменальности таких явлений психики как: ревность, зависть, конкурентность, амбивалентность чувств, ощущение вины и неполноценности. Говоря иначе, *целостной системе психического присуща «осведомленность» в приоритетах просоциальных ценностей, имеющих важное значение для её инкорпорирования в окружающий мир.* Психика, получив «урок просоциальной мудрости» (недостаток которой и обусловил вытеснение импульсов Ид), имманентно воплощает в предсознании ориентиры на адаптивную согласованность с интересами Я. «Внеопытное» по собственной, имплицитно присущей ему логике, влияет на направленность динамики непроизвольного поведения субъекта, формируя тем самым ведущие тенденции психики. При этом *энергетические приоритеты «внеопытного», заданные эдипальной зависимостью, стремятся к реализации через базальную форму защит в условиях интеграции с ситуативной защитой*, функционирующей преимущественно в просоциальном ключе. Такого рода интеграция построена на *внутреннем компромиссе*, что «падает на плечи» *ситуативной (периферийной) защиты*. По необходимости путь инкорпорирования бессознательного в просоциальную активность субъекта сопряжен с субъективно-интегративными процессами, обуславливающими отступления и искажения социально-перцептивной реальности (на уровне как входной информации, так и внутренней ее интерпретации). Отсюда вывод: системность психологической защиты предполагает взаимосвязь двух ее форм: *базальной и ситуативной*, реализующихся, соответственно, «по горизонтали» и «по вертикали». Именно периферийная («поведенческая») «вертикаль» защиты вынуждена обладать виртуозностью в *примирении разнонаправленных тенденций психики, «диктуемых» инфантильной иррациональностью тенденций бессознательного и рациональностью сознания.* Указанное «примирение» осуществляется благодаря активности механизмов *субъективной синтезированнойности психики*, опирающихся на условные ценности [см. 6], при этом глубинный мотив всегда имеет перспективу частичной реализации, ассимилируясь с условными ценностями (маскирующими инфантильный оттенок активности Я).

*Интегративная состоятельность системы психологической защиты обесценивается (в контексте силы Я) предопределяемыми ею же отступлениями от реальности и искажениями обратной связи (ею же и предопределяемыми)*, что нарушает процесс общения и порождает дезадаптирующие личность дисфункции психики. Следовательно, *автоматизированные формы защиты*, подпитываемые ожиданиями и иллюзиями идеализированного Я, *наносит дезинтеграционный урон психике*, порождая так называемый феномен «порочного круга», при котором результат является и пусковым механизмом нового витка защит. Подчиненность психики иллюзиям, продуцируемым защитами, объясняется их эмотивной реалистичностью для субъекта, что указывает на зависимость психики от «принципа удовольствия», противоречащего «принципу реальности» – адепту социальных нормативов Супер-Эго.

Итак, *защита, с одной стороны, интегрирует психику*, хотя и на мнимых иллюзорных основаниях (маскируя тем самым дезинтеграционные процессы), а с другой – *создает отступления от реальности* как

предпосылку формирования внутреннего стабилизированного противоречия, предопределяющего личностные проблемы субъекта. Последнее выявляется путем психоанализа эмпирики в целях объективирования диаметральной направленности «логики сознания» и «логики бессознательного». *Отступления от социально-перцептивной реальности, порождаемые психической защитой во взаимодействии «человек – человек», входят в число важных смыслов познания глубинной психологии.*

**(3) Философско-психологический ракурс исследовательского внимания** нацелен на объяснение методологии процесса выявления ложных, искаженных позиций, ослабляющих силу Я, что реально дезинтегрирует психику в противовес инстинкту самосохранения. Поэтому глубинное познание ориентировано на обнаружение в психике объективно-дезинтеграционных процессов, заявляющих о себе в противоречивости поведения, что предполагает наличие адекватных способов их нивелирования путем коррекции. Весь этот процесс подчинен (согласно психодинамической методологии) *законам положительной дезинтеграции и вторичной интеграции психики на более высоком уровне психического развития субъекта.* Указанные законы дисциплинируют глубинное познание в поисках направления оптимизации факторов восстановления целостности психики за счет расширения и укрепления самосознания субъекта. Отступления от реальности (расхождения между намерениями и реальными действиями) требуют не только их эмпирического выявления, но и коррекции путем ослабления ложных, искаженных позиций когнитивного базиса автоматизированных форм психологической защиты с тем, чтобы расширить и усилить возможности интеграционных процессов психики в направлении более высокого уровня ее развития.

Таким образом, *глубинное познание* в психодинамической парадигме *основывается на выявлении искажений социально-перцептивной реальности*, для которых характерна как фиксированность, так и индивидуализированность для каждого человека. Последнее согласуется с позицией австро-английского философа Карла Даймунда Поппера, создателя оригинальной методологической концепции, получившей название «*фальсификационизм*» [5]. В основу концепции познания им был положен принцип фальсифицируемости, т. е. опровергаемости научных (личных) убеждений посредством опыта. К. Поппер вводит *критерий опровергаемости убеждений как необходимой предпосылки продвижения к истине.* Он не доверял ни одному критерию, помимо практики, по которому можно определять истинность убеждений. К. Поппер отказался от какой-либо абсолютно достоверной основы обоснованности знаний, подчеркивая этим *научно-практическую значимость обнаружения заблуждений, ложных позиций, искаженных «истин» и т. п.* Он пишет: «Постепенно выявляя и отбрасывая ложь, мы тем самым можем приблизиться к истине» [7, с. 666]. Трудно не согласиться с К. Поппером в том, что познаваемые явления слишком сложны и вершина айсберга, доступная исследовательскому вниманию, не является его всецелой сущностью, что ставит под сомнение истинность научно-академических выводов. Поэтому, *выявление заблуждений субъекта (в отношении себя и других) катализирует внутренние, скрытые его резервы нахождения истинны психического самоотражения.* Говоря иначе, «положительная дезинтеграция», ослабляя иллюзорность когнитивной платформы психологических защит субъекта, способствует ее реконструированию, обуславливая тем самым вторичную интеграцию психики на более высоком уровне ее развития. Поэтому важно обеспечить *положительность* дезинтеграции психики, а интеграционные процессы осуществляются самопроизвольно. Важную роль при этом играет точность диагностики противоречий психики, на маскировку которых направлены усилия психологических защит, ценой ложных позиций Я. Ослабление последних катализирует внутреннее переструктурирование психики и ее интеграцию на более реалистичных основаниях, способствующих повышению адаптации.

В психодинамическом подходе во главу угла ставится непосредственный опыт, продуцируемый ситуацией «здесь и сейчас», который способствует гармонизации диагностических выводов с результатами психокоррекции, а поступков - с инстинктом самосохранения (никому не хочется быть обманутым даже самим собой!). Поэтому в глубинном познании ценится личный поведенческий материал респондента, приобретающий коррекционную силу при наличии профессиональной его интерпретации, нацеленной на выявление инфантильно-базальных истоков существующих дисфункций психики. Искажения социально-перцептивной реальности имеют индивидуальную неповторимость, предопределяемую прежде всего влиянием базальных защит. *Выявление ложных позиций субъекта, при фасилитирующем участии психолога, способствующего эксплицированию скрытых глубинных детерминант открывает перспективы личностного роста участников глубинного познания.* Эмпирический фактаж доказывает, что в случае личностной проблемы неизменно присутствуют показатели объективной дезинтеграции психики и мнимой ее интеграции, обеспечиваемой защитной системой и в первую очередь - искажением входной социально-перцептивной информации. Указанные иллюзорные процессы приобретают реалистичность на эмотивном уровне самовосприятия и переживания, смысл которых охраняется от сознания системой сопротивлений.

Практика глубинного познания предполагает единство диагностики и коррекции, а также диагностико-коррекционный диалог с респондентом, эффективность которого зависит от профессиональных возможностей психолога. Фактор «достоверности» важен как для научности познания, так и для убедительности

(действенности) интерпретационных выводов, адресованных респонденту. И это не разные задачи – это одна задача, хотя и сложная. В частности, достоверность интерпретационных выводов адресованных респонденту предполагает доверие последнего к получаемой информации и личностную причастность к процедуре познания; для исследователя же важна целостность и всеохватность диалогического процесса, следование за семантической континуальностью, способствующей выявлению логики сознания и бессознательного («иной логики»). Поэтому особо важно чтобы диалог психолога с респондентом актуализировал непровольную инициативу эмотивных высказываний респондента, ослабляя и нейтрализуя его сопротивление. Диагностика при этом носит процессуальный характер и опирается на знание глубинным психологом функциональных особенностей бессознательной сферы в единстве противоречивых взаимосвязей с сознанием. Глубинное познание, как и коррекционный эффект, зависит от диагностически-профессиональной состоятельности интерпретационного анализа поведенческого материала, учитывающего следующее: системно-логические взаимосвязи; итеративность; инвариантность; несовпадение логики сознания и логики бессознательного («иной логики») и др. Результативность глубинного процесса предполагает его целостность и приемлемость способов представления респонденту информации о выявленных (на его поведенческом материале) внутренних стабилизированных противоречиях, создающих «энергетические ножницы», подрезающие силу его Я. Убедительность и диагностическая точность анализа поведенческого фактажа в таком случае пробуждает в респондента желание к изменениям, катализируемое инстинктом самосохранения. Наш многолетний опыт убеждает, что *лишь при обеспечении условий спонтанности и непровольности поведения открывается перспектива изучения глубинной его детерминированности*. При таких условиях психоанализ эмпирики способен катализировать личностные изменения. Убедительность психоаналитических интерпретаций обусловлена их прозрачностью, логичностью и доказуемостью (для респондента) поведенческого материала (а не чуждыми респонденту теоретическими убеждениями). Этот процесс отличается многоуровневостью и многократностью расширения самосознания субъекта путем развития его сенситивности в понимании собственных отступлений от социально-перцептивных реалий.

**(4) Пробел в методологии, как и в методах исследования целостной психики**, включая бессознательное, попытались восполнить в 70-х годах XX века грузинские ученые под руководством Д. Н. Узнадзе, которые все объяснения бессознательной сферы сводили к *формированию установки*. На наш взгляд, исследовательская платформа теории установки Д. Н. Узнадзе связана с *потенциально осознаваемыми процессами*, не имеющими отношения к *подлинно бессознательному, охраняемому сопротивлениями и лишенному шансов прямолинейной презентации в сознании*. Данная позиция находит подтверждение в работах О. К. Тихомирова, который пишет: «Нельзя не учитывать, что понятие бессознательного – это категория более широкая, чем понятие психологической установки, из чего следует, что сводить теорию бессознательного к теории психологической установки и стремиться исчерпать закономерностями установок проявления бессознательного в его общем психологическом и философском понимании было бы серьезной методологической ошибкой, проявлением своеобразного редуционизма» [см.3, с. 29]. Солидаризируясь с О. К. Тихомировым, заметим, что подход Д. Н. Узнадзе к познанию бессознательного не преодолел зависимости от классического взгляда на прямую детерминированность психики, как и на ее заданность извне спецификой деятельности. Теория установки предполагает формирование определенной, программируемой извне исследователем деятельности респондента. Мы не отрицаем такого рода влияния на бессознательное и вместе с тем утверждаем, что это происходит не прямо, непосредственно, а косвенно. *Теория деятельности*, основывающаяся на контролируемой детерминированности психического, *исключает понятие «внеопытного»*, сопряженное с латентным синтезом следов (очагов) вытеснений и невозможностью их прямолинейной заданности извне.

Глубинный подход к познанию целостной психики открыл перспективы изучения ее тенденций в противоречивой сущности как латентно-синтетического образования, что отличает их от установки. Тенденции психики свободны от участия сознания, как и от «сюжетной» заданности исследователем условий эксперимента. Они предполагают абстрагирование от событийной конкретики опыта. Говоря иначе, тенденции зависимы от латентных процессов, в которых господствует приоритет валентности остаточных напряжений эмотивных очагов вытеснений, предопределяемых *значимостью жизненных, самопроизвольных ситуаций*, пережитых субъектом, но не искусственно заданных, как в опытах формирования установки. Отсюда вывод: познание бессознательной сферы не может быть исчерпано теорией установки, не учитывающей наличие имманентной упорядоченности бессознательной сферы, что отражает категория «дорефлексивное», «внеопытное». Вопрос доступности внутреннего мира опыту человека остро поставлен в психодинамической теории и соответствующей методологии глубинной коррекции.

Исходя из многолетней практики глубинной коррекции мы склонны квалифицировать «внеопытное» как «сверхопытное» или «метаопытное», подчеркивая тем самым его абстрагированность, «надстроенность» над конкретным эмпирическим опытом субъекта. Семантический аспект переработки («переваривания») опыта в

«метаопытное» складывается по внутренним законам, имманентно присущим психическому с опорой на операции абстрагирования, систематизации, классификации, структурирования, доминирования и др. Таким образом, «метаопытное» представляет собой *когнитивный конструкт, не имеющий прямого отношения к опытно-деятельностным аспектам активности субъекта с участием сознания*. Указанное отличие психоаналитического подхода от теории установки, формируемой в формате деятельностного подхода, обнаруживает себя прежде всего по параметрам заданности активности извне. Категория же «метаопытное» в *психодинамическом ключе* ее рассмотрения опирается на глубинные «интересы», имманентно присущие феномену психического, сохраняющие направленность вытесненных очагов на реализацию, что и катализирует произвольную активность психики. Таким образом, *деятельностный ракурс понимания категории психического выводит за кадр познания иррациональное* в его глубинной мотивации. Иррациональное, благодаря психодинамическому познанию, всегда имеет шанс перейти в категорию рационального (осознаваемого) путем дешифровки его скрытого мотивационного смысла. З. Фрейд писал: «... осознанность, единственный признак психических процессов, данный нам прямо и непосредственно, но ни в коей мере не способен стать критерием различия между системами», и далее: «Стремясь к метапсихологическому пониманию психики, мы не должны приписывать особого значения симптому «осознанности»» [4, с. 489]. Таким образом, З. Фрейд указывал на разность в функциональной организации двух систем (сознания и бессознательного), а так же на метапсихическое, подчиненное универсалиям законов бытия.

(5) По нашему глубокому убеждению, **центральным звеном, нарушающим объективность психики в ее отражательной функции, является система психологической защиты**. Поэтому будет оправданно ещё раз возвратиться к данному функционально важному феномену. Позиция З. Фрейда в определении ряда механизмов защиты была близка к биологическому взгляду на человека как часть природы, подвергаемую влиянию на нее цивилизации, культуры, истории, традиций, воспитания. Тем не менее именно З. Фрейд демаркировал (отслоил) академизм в подходе к познанию таинств внутреннего мира человека, который может давать сбой в виде появления симптома или дисфункций психики. Осмысление проблемы психологической защиты в глубинно-психологическом ракурсе убеждает в диспозиционно-системной её структурности. Последнее указывает на ограниченность взгляда на механизмы защиты лишь как на рядоположные (рационализация, проекция, идентификация, вытеснение, замещение и др.). Сущность понятия психологическая защита не исчерпывается структурной организацией отдельных механизмов, она включает уровни: когнитивный, эмотивный, поведенческий; и имеет подчиненность единому генеральному механизму: «от слабости к силе» (независимо от ее разновидностей). Следующее уточнение: психологическая защита функционирует как «по вертикали», так и «по горизонтали», на что нет указаний в ортодоксальном психоанализе. «По вертикали» действительны механизмы *ситуативной (периферийной) защиты*, которые ассимилируют указанные выше механизмы, открытые ортодоксальным психоанализом. Защитная же «вертикаль» неизбежно пересекается с «горизонталью» – базальными защитами, выражающими глубинные (инфантильные) интересы Я. *Формы и способы периферийной (ситуативной) защиты могут быть самыми разнообразными, что не ограничивает и не форматирует категоризацию их разновидностей*. Защита «по вертикали», которой свойственна креативность способов маскировки, шифровки глубинных интересов Я, выражает ориентированность на ситуативно-адаптационный вектор текущих обстоятельств. *Ситуативная защита («вертикаль») может быть доступна наблюдению и частичному (неполному) осознанию субъектом. Базальная же защита («горизонталь») недоступна наблюдению и непосредственному отражению сознанием субъекта* что обусловлено имплицитностью семантики глубинных ценностей. Познание базальной защиты всегда носит частичный характер, зависимый от благоприятности условий для её проявления в спонтанном поведении. Этот процесс глубинного познания в психодинамической парадигме подчинен *принципу многоуровневости частичной положительной дезинтеграции психики, как и частичной интеграции на более высоком уровне психического развития субъекта*. Внесем уточнения. «Горизонталь» – это преимущественно внутренняя латентная активность, связанная с сугубо бессознательным, не подлежащим прямому наблюдению, а «вертикаль» – внутренняя и внешняя активность, касающаяся как бессознательного, так и сознательного - доступного наблюдению. Есть основания утверждать, что в ситуативных (периферийных) защитах всегда присутствуют «интересы» базальных защит, выражающих бессознательный мотив, стремящийся к проявлению в поведении. Указанные характеристики системы защит, не учитываются в традиционных исследованиях, как и то, что любой акт *психического находится на пересечении «вертикали» и «горизонталей»!* Понимание связи автоматизированных форм психологической защиты на когнитивном уровне со сферой сознания, позволяет сформулировать тезис: *познание бессознательного неизменно касается системы психологической защиты, в частности базальной защиты, которая использует наименьшие возможности для замаскированной реализации в поведении. Изучение базальных форм защиты предполагает понимание ее функциональных взаимосвязей с ситуативной защитой*. Именно поэтому организационные предпосылки глубинной психокоррекции сориентированы на ослабление, (нивелирование) ситуативных защит в целях актуализации и

объективирования в поведении базальных её форм. Введение специальных принципов организации группового взаимодействия, регулирует поведение участников диагностико-коррекционного процесса на эмотивно-чувственном, безоценочном уровне вне просоциальных ориентиров. Последнее исключает: критику, оценочные суждения в черно-белых категориях, непринятие личности другого, советы, поощрения и наказания и др. Внимание респондента переводится на эмоциональное самоощущение в ситуации «здесь и теперь» (без рационализации и контроля), в системе «человек – человек», «глаза в глаза». Неопределенность поведения катализирует вышеупомянутые механизмы замещения, перенесения, идентификации, компенсации, причастные к формированию базально-глубинных ценностей. Для большей прозрачности факта программируемости внутреннего мира предшествующим опытом предполагается использование респондентом для самопрезентации символично-предметных, метафорично-архетипных средств (рисунков, пространственных моделей, камней и др.). Особенную значимость имеет разработанная нами методика *психоанализа комплекса тематических (авторских) рисунков*, способствующая разносторонней визуализации рефлексии, стимулируемой многочисленностью (33-38) тем [11]. Эмпирический материал в таком случае, благодаря процессу опредмечивания произвольной активности субъекта, приближает глубинное познание к специфике образности языка бессознательного. Вышеуказанные аспекты методологически обоснованных средств глубинного познания остаются в психологии все ещё мало изученными и ожидают своего решения, как в теоретическом, так и в методологически-практическом аспектах.

Психодинамический подход ориентирован на психически здоровых людей, поэтому в сравнении с ортодоксальным психоанализом отличается не только в части процедуры («свободные ассоциации» – «диалогически управляемая спонтанность поведения»), но и во взглядах на изначальную отправную позицию, соответственно: симптом (признаки болезни) – проявление дисфункций психики. У психически здоровых людей потребность в помощи слабо выражена, приглушенная необходимостью (интересом) следовать просоциальному мотиву. Поэтому в психодинамическом подходе не предполагается исходное представление респондентом собственной личностной проблемы. Началом процесса познания (и самопознания) выступает спонтанность поведения респондента в диалогическом взаимодействии с психологом. Объединяющим моментом в психоанализе и психодинамическом подходе является спонтанность поведения и интерпретационный его анализ с выявлением логической упорядоченности эмпирики в целях обнаружения первичных (глубинно-инфантильных) детерминант, порождающих деструкции поведения. Именно логическая цепочка (и там, и там) опирается на континуальность последовательности самопроизвольной активности субъекта. При всех отличиях психоаналитической процедуры от психодинамической (в первом случае – наличие симптома, во втором – дисфункции психики) присутствует общая платформа – установление взаимосвязей между повторяемыми инвариантными характеристиками произвольного поведения. Это позволяет обнаружить логику спонтанного поведения (ассоциаций), указывающую на глубинную первопричину личностной проблемы и способствующую расширению самосознания субъекта. Мы солидарны с З. Фрейдом в том, что познание бессознательного не может быть осуществлено вне участия сознания.

Многолетний опыт диагностико-коррекционной практики способствовал четкости абрисов исследуемой проблемы, пути решения которой, по нашему убеждению, неизменно связаны с *психологической защитой*, порождающей иллюзии сознания. Подобной позиции придерживались Сандлер и Иоффе (1969), соотнося проблемы психики с категорией психологической защиты, в частности, ее механизмами, которые они относили к «внеопытному», а проявления их в поведении – к опытному [3].

Оригинальный взгляд на проблему защит находим также у Валлерстайна [2]. С защитами он склонен связывать «опытную» сферу психики (по нашей категоризации – ситуативную защиту), вместе с тем функциональный их аспект описывается в параметрах проявления бессознательного, что характерно для базальных защит. Подчеркивая важность функционального аспекта в защитной системе (что фактически связано с «внеопытным») он, в частности, пишет: «Можно осознать только те содержания, которые являются результатом работы сознания, но не эту работу как таковую» [2, с. 715]. Психоанализ, познавая «внеопытную» сферу, отмечает Валлерстайн, не только ссылался на причины, характерные для индивидуальных проявлений психики, но и апеллировал к их подчиненности универсальным законам. Бесценной нам представляется его исследовательская позиция относительно того, что *только вскрывая связи и взаимозависимости во «внеопытной» сфере, которые носят индивидуализированный характер, глубинная психология может претендовать на статус науки*. Мы с этим не только согласны, но и выдвигаем гипотетическое утверждение, что наиважнейшей научной задачей является познание «объективной» реальности психического, скрытой в бессознательном, которая обуславливает субъективизм психического! В этом аспекте трудно не согласиться с Ф. Бассиним, который утверждает, что «смешивать, отождествлять эти два плана исследования, касающиеся сознательного и бессознательного, методы и логику исследования – недопустимо» [2, с. 720]. Наряду с этим возникает проблема нахождения золотой середины между научной строгостью классического исследования и центрацией внимания на спонтанности в психодинамическом подходе



(развиваемом нами более тридцати лет), ориентированном на изучение функциональных особенностей бессознательной сферы путем интерпретации наблюдаемого спонтанного поведения. Одним из решений указанной проблемы является прояснение структурного уровня понимания целостности психического, что презентует разработанная «Модель внутренней динамики психики», описанная в таких работах [9; 10; 12].

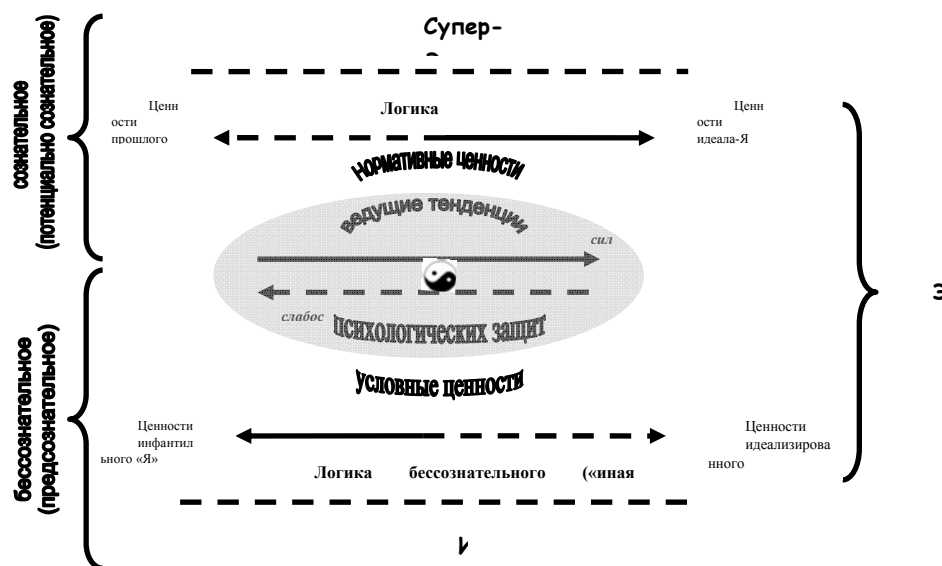


Рис. 1. Модель внутренней динамики психики

Модель сохраняет понимание З. Фрейдом структуры психики (Ид, Эго, Супер-Эго) и дополняет ее линейными взаимозависимостями противоречащих тенденций («горизонталь»). Таким образом, антагонизм структурных взаимосвязей («вертикаль»), на которые указывал З. Фрейд, структурно дополнен указанием на противоречия «по горизонтали», которые подчинены характеристикам, определяемым категорией «антиномия» [9, 10, 12].

Таким образом, «Модель» ориентирует на познание целостной психики в единстве и противостоянии сознательного и бессознательного в их структурной симметрии и асимметрии, изоморфизме и гомоморфизме и др. Раскрытие данного вопроса с учетом семантики «внеопытного», т. е. «метаопытного» требует уточнения категории предсознательного, вводя категорию *онтологического бессознательного*. Содержательная часть вопроса не может быть полноценной без определения взаимосвязей категории *онтологическое бессознательное* с бессознательным, в частности с *предсознанием*, ассимилирующим следы вытеснений. Сам З. Фрейд указывал на частичный характер предсознания в контексте целостности категории бессознательного. Он писал: «Все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное» [7, с. 95]. Как раз *онтологическое бессознательное в своих истоках предполагает заданность процессом вытеснений. В частности, остаточные явления, латентно синтезируясь, приобретают транзитность перенесений, континуальность проявлений в поведении, потерю темпоральности, что и приближает их к категории «метаопытного».* Важную роль в этом процессе играет понятие «мнемический след вытеснения», которое введено З. Фрейдом с указанием на то, что «... следы системы бессознательного не способны сами по себе проникать в сознание» [4, с. 469]. Актуализация следов связана с эмотивно-энергетическими их характеристиками. При всем этом предсознание не теряет *общую особенность бессознательного: недоступность сознанию!* Именно категория «метаопытного» (с агрегатом базальных защит) *привносит в бессознательное онтологический смысл и гармонизирует его с универсальностью законов, по которым оно функционирует.* Последнее согласуется с попытками философов возвести бессознательное в ранг «универсального принципа основы бытия...» [8, с. 52].

Отбрасывая прямолинейную детерминированность бессознательного извне, психодинамическая теория также далека от позиции Дж. Локка, который утверждал, что человеческому уму априори присущи определенные идеи и принципы. От части утверждение Дж. Локка касается категории архетипа, которая указывает на ассимилирование психикой коллективного опыта через коллективное бессознательное (К. Юнг). Архетип можно квалифицировать как филогенетический кладезь психологической мудрости и универсализированный «адепт» тайн психики конкретного субъекта, интегрирующий прошлое и настоящее.

Исследовательская позиция в глубинном познании учитывает индивидуальный путь жизни человека, что находит выражение в латентном синтезе опыта, подчиненного внутренним энергетическим, глубинно-ценностным приоритетам его обобщения. Непосредственность опыта субъекта лишь в раннем детстве имеет признаки прямой детерминированности, свидетельством чего является «чистота» взгляда на происходящее.

Вспомним реплику ребенка: «А король-то голый!». Со временем его реакции теряют признаки наивности и приобретают зависимость от просоциальных требований и латентных процессов аналитико-синтетической переработки опыта.

Итак, многолетняя практика глубинной психокоррекции дает основания утверждать, что формирование «внеопытного» («метаопытного») хотя и не свободно от опыта, но обладает автономией синтезирующего, латентного формирования, как и способностью самопроизвольного выражения, в обход сознания. Сознание лишено возможности влиять на сферу латентного синтеза, предопределяющего сущность «метаопытного», имеющего признаки интеграции с базальными защитами. Отсюда вывод: *«метаопытное», катализирующее базальную форму защиты, является предпосылкой для онтологического бессознательного, что указывает на причастность к нему подструктуры Ид, предопределяющей его энергетический потенциал.* Глубинно-семантический конструкт, каковым является базальная форма защиты, находит выражение в индивидуализированности тенденций психики. Эта форма защиты воздействует на смыслообразующие процессы сознания, презентуемые в *рефлексивном интеллекте*. Прохождение глубинной психокоррекции способствует освобождению рефлексивного интеллекта от искажений, сопряженных с желанными иллюзиями и отступлениями от реальности, что гармонизирует факторы сознания и бессознательного, интегрируясь в мудрости человека. *«Метаопытное» (как и вся защитная система) подчинено универсальной тенденции «к силе», что гармонизируется: на глубинном уровне – с «принципом удовольствия» (диктуемым интересами Ид), на уровне сознания – с «принципом реальности».*

(6) **Глубинная психология, центрируя внимание на бессознательном** (как наиболее многофакторном и сложном явлении душевной жизни), остро ставит вопрос об актуальности изучения его закономерностей во взаимосвязи с сознанием как общей проблемы познания психики в ее целостности. До сих пор остается загадкой упорное игнорирование академической психологией проблемы исследования бессознательного, что в противном случае могло бы быть предпосылкой прогресса психологии как науки. Природоведческий подход к познанию психики предполагает обобщение более или менее сходных случаев и их количественную обработку, обуславливающую мнимую научность этого процесса. Последнее предопределило отсутствие инструментария адекватного исследования феномена психики в ситуациях непредсказуемости, чем характеризуется как общение, так и процесс воспитания. Такого рода явления имеют неповторимую полизначную семантику, превосходящую возможности количественных опосредований. *Отсутствие демаркации этих двух подходов – академического и глубинного – порождает множество недоразумений и замедляет развитие научной психологии в целом.* Личностные проблемы субъекта остаются на обочине традиционных исследований в связи с несоответствием методического обеспечения.

Классическая наука преимущественно формулирует вопросы: «Как?», «Почему?», практическая же психология – «Каков смысл?», «Какова первопричина?». Задача глубинной психологии – раскрыть имплицитный смысл внешне наблюдаемой произвольной активности субъекта, что требует понимания когнитивно-логической упорядоченности бессознательного. Последнее предполагает разработанность проблемы интерпретации, которая зависит от точности диагностики в единении с психокоррекцией, что носит процессуальный, многоуровневый характер с опорой на диалогическое взаимодействие с субъектом. Углубление самосознания субъекта открывает перспективы реконструирования им внутренних позиций, взглядов на себя, на объективный мир, на людей. Осмысление опыта глубинного познания в ракурсе психодинамической методологии позволяет сформулировать ряд ведущих тезисов, важных для исследования психики в ее целостности.

- Сущность психического состоит в единстве сознательного и бессознательного при наличии их автономии и противоречивости взаимосвязей по типу: «антагонизм и антиномия».
- Автономия сфер сознания и бессознательного является относительной, но не абсолютной. Она задана генезисом социализации психики субъекта, но не дана априори.
- Сознание, как и бессознательное, предполагает различия в их функциональной организации: *дискретность* сознания и *симультанность* бессознательного и структурная асимметрия.
- Система психологической защиты в двух ее ведущих разновидностях: базальная и ситуативная подобна устройству психики в целом, в частности, характеризуется автономией и противоречивостью взаимозависимостей, как и энергетической разнонаправленностью (асимметрией).
- В своей целостности психика подвержена влиянию двух видов противоречий: антагонизм («по вертикали») и антиномия («по горизонтали»), которые защита маскирует от сознания отступлениями от реальности.
- Психическое находится на пересечении «вертикали» и «горизонтали», поэтому в любом акте активности (поведения) присутствует как сознательное, так и бессознательное с приоритетом одной или другой стороны. Приоритет относится и к разновидностям защит.

- Познание психического в психодинамическом ключе предполагает процессуальность диагностики построенной на диалоге, катализирующем спонтанно-непроизвольное поведение, что предопределяет эффективность интерпретации.
- Психическое «сознание – бессознательное» в структурном аспекте имеет отличия, соответственно: изоморфизм – гомоморфизм; подобия – и отличия (от противного); однозначности – полизначности и др.
- Структурно-функциональные параметры системы бессознательного независимы от «пола, пространства и времени» при наличии эмотивности приоритетов инфантильных ценностей, порожденных эдипальной зависимостью субъекта.
- Проявление смысла бессознательного обнаруживает себя в итеративности (повторении) отдельных характеристик, заявляющих о себе в спонтанно-поведенческом материале, иллюстрирующем: закон «вынуждения повторения»; феномен «порочного круга»; объектные отношения, механизмы проекции, перенесения, замещения и др.
- Гармоничность психического состоит не только в равновесии влечений Ид с потребностями и возможностями Я, но и в приоритете его просоциальных тенденций, что предполагает: интеграцию «принципа удовольствия» с «принципом реальности»; ослабление императива инфантильных (глубинных) ценностей как и ослабление автоматизированности психологических защит не теряющих зависимость от ожиданий идеализированного Я; смягчение, ослабление внутренней стабилизированной противоречивости логики сознания с «иной логикой» бессознательного.
- Сознательное инкорпорировано в окружающий, просоциальный мир, тогда как бессознательное ассимилировано с глубинными интересами, стремящимися к реализации в поведении.
- Интеграционным звеном между сферой сознания и бессознательного является система психологической защиты, которая благодаря искажениям (иллюзиям) субъективно интегрирует психику в ее дискретности и симультанности; асимметричности тенденций поведения, несовпадении «логики сознания» и «логики бессознательного»; структурном антагонизме и антиномии; симметрии и асимметрии; изоморфизме и гомоморфизме; разнонаправленности активности, задаваемой «принципом реальности» и «принципом удовольствия»; противостоянии просоциальных ценностей и глубинно-инфантильных интересов (детерминант). Защитно-субъективная «интеграция» является эквивалентом отступлений от социально-перцептивной реальности.

В академическом исследовании указанные выше положения не учитываются ни теорией, ни практикой. Более того, наблюдается устоявшийся приоритет исследовательского внимания к сфере сознания и игнорирование влияния на нее бессознательного. В классическом исследовании в абсолют возводятся *количественные данные, отражающие прямолинейные взаимозависимости в психике*. В психоаналитическом же ключе они познаются *косвенно, контекстно, с привлечением метафоричности и архетипности* вспомогательных средств эксплицирования семантики бессознательного. Академическая психология делает акцент на так называемом «чистом материале», прошедшем опосредование математической обработкой, при игнорировании феноменологической его индивидуализированности. В психодинамическом исследовании ведущим есть анализ ассоциативно-логических цепочек, презентованных спонтанностью поведения, заявляющих о себе повторяемостью (итеративностью), неизменностью (инвариантностью) смыслов спонтанной активности на фоне их сюжетной вариативности.

Психоаналитическая интерпретация способствует расширению самосознания субъекта, катализируя отдельные аспекты его личностного потенциала, заблокированного фиксациями невзгод прошлого опыта, которые согласуются (от противного) с «физиогенезом формирования жизненно важных функций под влиянием факторов повторения» (П. К. Анохин). Последнее требует объяснения: в контексте филогенеза факт повторения способствовал формированию жизненно важных функций, а в случае с бессознательным – повторение является сигналом неблагополучия, т. е. остановки, пробелов в функциональной динамике психики. Наблюдается асимметрия двух сфер психического (сознания и бессознательного), что задает разнонаправленность энергетических потоков. Говоря иначе, повторения, о которых ведет речь П. К. Анохин, способствуют прогрессивной локализации функций, в то время как *изучаемые нами повторения указывают на регресс*, связанный с генерализацией деструкций психики на сферу самореализации личности. Из этого становится понятным, что выявление «повторений» в глубинно-психологическом ключе и осознание субъектом их логической упорядоченности способствуют нейтрализации дисфункционального аспекта психики и открывает перспективы самоактуализации личности. Опосредованность же выводов количественными показателями может уводить исследователя от живого контакта с респондентом из-за непонимания важности изучения спонтанно-поведенческого фактажа, указывающего на императив бессознательного. Все это – необходимая предпосылка адекватности исследования и научности интерпретационных выводов о целостном психическом. *Академизм в*

исследовании психического проявляется также в попытках познания бессознательного в отрыве от сознания, т. е. помимо взаимосвязей этих сфер.

Итак, традиционная психология из-за отсутствия соответствующей философии понимания подлинной сущности психического относит бессознательное к категории «неприкасаемого» и «непознаваемого». Положение усугубляется еще и тем, что артефактные выводы традиционно экстраполируются на психику в целом, т. е. и на бессознательное, которое имеет функциональные отличия от сознания. Экстраполирование выводов академической психологии на целостную психику само по себе полностью (хотя и неоправданно) снимает необходимость познания бессознательной сферы. Конечно же, некоторые аспекты сознания могут быть раскрыты по законам строгого эксперимента (учитывая автономию этих сфер), но подлинная сущность психического состоит в выявлении внутренних взаимосвязей в целостной психике.

От решения проблемы познания целостной психики зависят не только перспективы развития психологии как науки, но и формирование адекватной методологии, включая инструментарий оказания практической помощи субъекту в решении его личностных проблем. Представленный выше материал доказывает общность онтологических проблем, гармонизирующих психологию с философией.

(7) Остановимся более подробно на причинах пробуксовывания исследований психики в ее целостности. Главная из них – **несоответствие академических методов природе познания психического**, а с другой стороны – научное изучение бессознательного изначально предполагает наличие знаний о его подлинной природе, как и специфике взаимосвязей с сознанием. Именно поэтому остановимся на уточнении некоторых важных аспектов понимания бессознательного в контексте взаимосвязей с сознанием.

- Симультанность процессов бессознательного (включая их эмотивность) не допускает процедуры алгоритмизированности и формализации познания феномена психического. Бессознательное подчинено вероятностной логике и функционирует по законам «иной логики» по сравнению с «логикой сознания».
- Классическая процедура исследования носит дискретный характер с ориентацией на количественные показатели, которые могут быть отнесены только к познанию сознания, в отрыве от бессознательного подчиненного приоритетам эмотивной значимости пережитых событий, латентно-синтезированных в «метаопытном».
- Познание сознательного в классической психологии ориентировано на концептуально-понятийные предпосылки, природа же бессознательного феноменологична и детерминирована внутренне, что требует условий спонтанности поведения субъекта в процессе исследования. Феноменологический язык респондента является ведущим в глубинном познании, что обусловлено его согласованностью с логикой скрытых смыслов спонтанного поведения. В традиционном исследовании довлеет стандартно-академический язык.
- Классическая психология, как правило, ориентирована на знаковые средства познания, без учета образно-символической и архетипичной презентации бессознательного, ассимилирующего холистичность когнитивных стратегий.
- Экспериментально-исследовательская процедура познания сознательного предполагает четкость прогнозов в формате их двузначности: «истинно или ложно», в то время как познание бессознательного предполагает полизначность: «и то, и то» одновременно при наличии ситуативной приоритетности одного из них. В поле внимания исследователя попадают смыслы, конкретизированные сознанием респондента, за которыми скрыта семантика поведения с поливалентностью мотивов. Именно вероятностное прогнозирование позволяет познать необходимость, диктуемую энергетическим императивом скрытых детерминант, обнаруживающих себя в совокупности случайностей.
- Процесс познания бессознательного требует внимания лишь к тем отдельным чертам, характеристикам поведения, которые обращают на себя внимание инвариантностью, повторяемостью на фоне сюжетной вариативности поведения. Традиционное же исследование ориентировано на повторение поведения в целом, более того, повторение служит основой эксперимента и основанием для выводов;
- Познание бессознательного предполагает понимание таких категорий, как диспозиция, тенденция, установка и др., которые, помимо смысловой нагрузки, имеют и эмотивно-энергетическую составляющую. В традиционном исследовании превалирует рациональный компонент, основанный на четкости прогнозируемого результата (что может нарушать объективность тенденциозностью исследователя).
- Познание бессознательных аспектов психики преодолевает ориентацию на прямые каузальные зависимости путем превалирования вероятностного прогноза, согласующегося с «принципом

дополнительности», который предполагает контекстность и опосредованность познания, как и метафоричность стимульного материала.

- Раскрытие сущности бессознательного требует знания категории «метаопытного» («внеопытного») во взаимосвязях с *онтологическим бессознательным*, что отсутствует в академическом подходе.
- Классическая психология в процессе эксперимента упускает из виду смыслы, в их имплицитной индивидуализируемости, сформированные внеопытно. Глубинное исследование в центр внимания ставит проблему раскрытия смыслов непроизвольной активности субъекта.
- Традиционные психологи ориентированы на *подтверждение знанного (известного) явным, что чуждо глубинному познанию*. Глубинное познание всегда открывает истину впервые (благодаря её индивидуализированности) в неповторимом процессе диалогического взаимодействия с респондентом, т. е. никогда не укладывает наблюдаемое явление в прокрустово ложе собственного теоретического понимания; не ищет ключик познания лишь там, куда падает свет академического прожектора, а следует за континуальностью феноменологии самопроизвольной активности респондента.
- Академическая психология, не посвященная в тайны законов функционирования бессознательного, не владеет инструментальной превращением скрытых, имплицитных его смыслов в явные (осознаваемые); может сказываться и отсутствие навыков процессуальной диагностики, предполагающей катализирующий диалог с последующей интерпретацией результатов. Лишь диагностически точное слово ведущего-психолога способно вобрать в себя «чистоту» смысла и придать ему значение, которое будет воспринято респондентом и катализировать прогрессивное реконструирование психики.
- Склонность к каузальной однозначности познания мешает академической психологии понимать противоречивую сущность психического и пути ее нейтрализации в случае остроты внутренних противостояний. Последнее предполагает владение инструментальной расширением самоосознания субъекта.
- Классическая психология отдает предпочтение вербальным параметрам исследовательской процедуры, что отодвигает в тень бессознательное с его образностью языка и холистичностью презентации смыслов в спонтанно-поведенческом (вербально – невербальном) материале.

## ВЫВОДЫ

Вышеуказанные отличия традиционного (академического) и психодинамического подходов исследования феномена психического подчеркивают специфичность сферы бессознательного в ее многофакторности и полимодальности смысловых значений. Становятся более понятными причины отнесения академическими психологами бессознательного к области психиатрии или клинической психологии. Бессознательное в контексте здоровой психики упоминается ими лишь номинально. Игнорирование самого наличия неосознаваемой сферы у психически здоровых людей закрывает перспективы адекватного исследования целостной психики, для академической психологии.

Справедливости ради мы не должны забывать попытки психологов приблизиться к исследованию бессознательного, примерами служат теория установки и проективные методы, которые не обеспечили желаемого результата. В этих попытках наблюдалась несогласованность оптимального стимульного материала (цветовой тест Люшера, пятна Роршаха, иллюстрации Розенцвейга и др.) с формализованностью интерпретации эмпирических результатов, исключая ориентацию на глубинное познание, путем выявления на полученной импирике логических взаимосвязей в их противоречивости и индивидуальной неповторимости. В психодинамическом ракурсе важным есть ассимилирование субъектом входной информации, презентующей ему не готовое заключение, основанное на математически-формализованной процедуре, а приближение к познанию логической упорядоченности его внутреннего индивидуализированного мира. Поэтому попытка проективных методов, как и теории установки Д. Узнадзе, проложить мостик между академическим и глубинным подходом к познанию психики сама по себе заслуживает одобрения, но не дает желаемого результата (эффекта) в связи с несоответствием конечной процедуры формализации сущности психического. Именно глубинная психология, развиваемая в психодинамической парадигме, открывает перспективы снятия традиционных барьеров, в познании психического в единстве взаимосвязей сознательного и бессознательного.

## Литература

1. Андрущенко В. П. Роздуми про освіту: Статті, нариси, інтерв'ю / В. П. Андрущенко. 2-ге видання, доповнене. – К.: Знання України, 2008. – 819 с.

2. Бассин Ф. В. Методологические аспекты современных дискуссий о статусе научной теории бессознательного / Ф. В. Бассин, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия / Бессознательное [В 4-х т.] / [под ред. Ф. В. Бассина, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия]. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – Т. 3. – С. 711.
3. Бассин Ф. В. Роль бессознательного в активности мышления и речи / Ф. В. Бассин, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия / Бессознательное [В 4-х т.] / [под ред. Ф. В. Бассина, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия]. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – Т. 3. – С. 27 – 46.
4. Лапланш Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис : пер. с фр. Н. С. Автономовой. – М. : Высшая школа, 1996. – 623 с.
5. Поппер К. Д. Логика и рост научного знания / К. Д. Поппер. – М. : Прогресс, 1983.
6. Стасько О. Г. Психологічна значущість умовних цінностей та їх вплив на формування ідеалізованого “Я” особистості : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Стасько Олена Григорівна. – Черкаси, 2006. – 369 с.
7. Философия: энциклопедический словарь / [под. ред. А. А. Ивиной] / А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
8. Философский энциклопедический словарь / [гл. ред. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Яценко Т. С. Методологія взаємозв'язків свідомого і несвідомого в контексті проблеми адаптації суб'єкта до соціуму / Т. С. Яценко // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Сер. : Педагогіка і психологія. – 36. статей. – Ялта : РВВ КГУ, 2009. – Вип. 21. – Ч. 1. – 219 с. – С. 28 – 44.
10. Яценко Т. С. Теорія і практика групової психокорекції: Активне соціально-психологічне навчання : Навч. посіб. / Т. С. Яценко. – К. : Вища школа, 2004. – 679 с.
11. Яценко Т. С. Малюнок у психокорекційній роботі психолога-практика [на матеріалі психоаналізу комплексу тематичних малюнків] / Т. С. Яценко, М. Г. Чобітько, Т. І. Доцевич. – Черкаси : «Брама», видавець Вовчок О. Ю., 2003. – 216 с.
12. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика / Т. С. Яценко. – К. : Вища школа, 2006. – 382 с.

© 2012

С. Д. Максименко (м. Київ)

## СТАНОВЛЕННЯ ГЛИБИННОЇ ПСИХОЛОГІЇ В УКРАЇНІ: РОЗВИТОК ПСИХОДИНАМІЧНОЇ ТЕОРІЇ

**Постановка проблеми.** Актуальність дослідження визначається посиленням інтересу суспільства до психологічної науки та практики; зростанням чисельності державних і приватних вищих навчальних закладів, що потребують кваліфікованих практичних психологів. Останнє гостро ставить проблему вирішення завдань підготовки фахівців у сфері надання психологічної допомоги. Формування висококваліфікованого спеціаліста – практичного психолога – пов'язано не тільки з набуттям студентом певної системи знань, умінь та навичок, але й із процесом його особистісної корекції та формування відповідної методології.

Проблема визначення теоретичної та методологічної бази вітчизняної практичної психології пояснює увагу до здобутків сучасних українських дослідників-психологів, серед яких чільне місце посідають роботи академіка АПН України Т. С. Яценко та її послідовників і учнів.

**Мета статті:** висвітлити науково-дослідні віхи становлення психодинамічного напряму практичної психології в Україні та окреслити внесок у цей процес дійсного члена Академії педагогічних наук України Т. С. Яценко і її наукової школи.

Починаючи з 1978 – 79 рр., науковий доробок Тамари Семенівни Яценко торкався питань педагогічного спілкування, що знайшов розвиток і відображення у методі активного соціально-психологічного навчання (АСПН). На формування Т. С. Яценко як науковця великий вплив здійснили видатні вчені, її вчителі – проф. О. Ф. Семенович, проф. Д. Ф. Ніколенко та академік РАО (м. Москва) О. О. Бодальов.

Перший період наукового становлення Т. С. Яценко характеризувався необхідністю долання впливу діяльнісного підходу дослідження цілісності психічного. З часом Тамара Семенівна все більше зосереджувала зусилля на розробці відповідної теорії, яка б відображала внутрішні психодинамічні процеси (“психодинамічна теорія”), та на відповідних методах пізнання, що враховували б специфіку закономірностей та функційних особливостей несвідомої сфери. Остання виявилась малодослідженою в межах прорадянської психології. На той час вважалося, що свідомість є вищим рівнем регулювання змісту психічної діяльності (активності) на основі моральних норм та просоціальних цінностей. Для комуністичної моралі була неприйнятною думка про те, що людина не є володарем свого внутрішнього світу, як і те, що психічне має саморегулюючі витоки та інфантильний зміст, що важко піддається зовнішньому контролю.